

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос = Рус)6-44
В68

Оформление серии *С. Курбатова*
Редактор серии *А. Антонова*

Володарская, Ольга.
В68 *Страсть под чужим именем : [роман] /*
Ольга Володарская. — Москва : Эксмо,
2019. — 352 с. — (Большие тайны малень-
ких городов).

ISBN 978-5-04-103840-3

У Галки был великий дар... Она умела любить! Искренне, преданно, бескорыстно. Не требуя взаимности... Да и как иначе, если объектом ее чувств стал популярный певец? Галка обожала Руслана так сильно, что, услышав по радио о его гибели, чуть не умерла сама. Но ее кумир выжил! И снова появился на поп-олимпе. Только совсем другим... Галка чувствовала — это не настоящий Руслан, его кем-то подменили... Любящее сердце ей это подсказывало!

Два года назад у него было все: семья, успех, деньги, слава. Он сам себе завидовал... Но наступил день, когда ему пришлось бросить благополучную жизнь и умчаться из родной Москвы в провинциальную глушь. Вот только затеряться не получилось! Он понял это, когда обнаружил в своей квартире труп единственного друга — из той, прежней жизни...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Володарская О., 2019
© Оформление.
ISBN 978-5-04-103840-3 ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Глава 1

Влад Соловьев терпеть не мог город, в котором жил. Маленький, грязный, бестолково застроенный, продуваемый речными ветрами, он то навевал на него тоску, то раздражал. Первое было гораздо чаще, и это беспокоило Влада. Раздражение хоть негативная, но сильная эмоция. Тоска же подавляла и ее, и все остальные, и тогда Соловьев ощущал себя какой-то амебой, а не человеком. Как простейшее он бултыхался в болоте под названием «жизнь», не имея желаний, стремлений, цели, а только исправно функционируя. Точно он одноклеточное. Амеба или инфузория-туфелька! Хотя нет, он хуже. Ведь те хотя бы размножаются делением, а Соловьев, когда скучал, утрачивал и основной свой инстинкт.

И это в неполные тридцать!

Сегодня город вызывал в нем раздражение. Влад шел по улице и ругался сквозь зубы:

— Это ж надо, суббота, время половина двенадцатого, а на улице ни души! Все по домам сидят, в телики тарашатся, нет бы — погулять выйти... — И, заметив под ногой банку из-под пива, пнул ее со словами: — А еще лучше — на субботник бы собрались! Хоть мусор бы в кучи сгребли! Только какой, к черту, субботник? Днем аборигенам некогда, у них огороды, а вечером грязи не видно... Ни один же фонарь не горит!

Соловьев нисколько не преувеличивал. На улице на самом деле не было освещения. Фонарные столбы

стояли, но лампы на них не горели. Влад передвигался более-менее свободно лишь благодаря свету из окон. Но через час-другой и он погаснет, и городок погрузится во мрак. Не целиком, конечно, но процентов на девяносто. Освещенной останется главная площадь, где расположены мэрия да несколько увеселительных заведений, которые посещают лишь подростки. Люди же «солидные», то есть те, кому от двадцати пяти, вечера проводят у телевизоров, выползая только за пивом. И в этом случае путь себе они подсвечивают карманными фонариками, имеющимися у каждого. Аборигенов это не напрягает, как и городская сучка, но Влад не мог к ней привыкнуть. Ведь он родился и вырос в столице!

В этот приволжский городок под названием Приреченск¹ он переехал почти два года назад. К этому его вынудили обстоятельства. Если бы не они, никогда бы Соловьев не покинул Москву. Он не просто обожал свой родной город, он не представлял себя вне его. Да, он много ездил по стране, зарабатывая деньги, и путешествовал по миру, отдыхая, но всегда скучал по Москве и мечтал поскорее вернуться. Только там он был по-настоящему счастлив. Владу даже казалось, что он так много разъезжает именно для того, чтобы тосковать по Москве и возвращаться в нее.

И любил он не только столицу, но и районы, в которых жил, и свои квартиры: первую, сталинку на Волоколамском шоссе, доставшуюся его матери от рано умерших родителей, в ней он вырос. Вторую, в старинном особняке исторического центра, куда они переехали, когда отец разбогател. Третью, уже свою, в элитной новостройке на берегу Москвы-реки. Все это были разные квартиры, в разных районах, но ка-

¹ Название вымышленное.

ждая из них олицетворяла столицу — старую, советскую и современную. Влад быстро к ним привыкал и влюблялся в каждую...

А вот к дому, в котором он жил последние два года, привыкнуть не получалось. А полюбить и подавно. Хотя дом был очень неплохой, старинный. В городке осталось не так много дореволюционных зданий, их беспощадно сносили в начале перестройки, расчищая землю для крупного порта, который так и не был построен. Старинных домов сохранилось не больше десятка, и большинство из них находились в центре. А вот в одном из трех уцелевших на окраине жил сейчас Влад. Дом был разделен на две половины. В одной обитал Соловьев, а в другой — какая-то семья. Две представительницы ее, мать и дочь, пытались сблизиться с Владом, но он пресек их попытки. Ему в этом городе не нужны были ни друзья, ни приятели, ни даже хорошие знакомые. Он вообще мечтал стать невидимкой!

Пройдя до конца улицы, Влад остановился у своего дома. За ним раскинулся пустырь, а дальше спуск к реке. Это на первый взгляд неудачное расположение его жилища нравилось Владу. Тихо, спокойно и до Волги рукой подать. Можно встать поутру, взять удочки и сбежать на часок порыбачить. На рассвете самый лучший клев! Соловьев узнал об этом совсем недавно. До того как переехать сюда, он не интересовался рыбалкой. Влад не понимал, как она может увлекать. Поэтому, когда друзья, отдыхающие с ним на островах, отправлялись на яхте рыбачить, все то время, что они удили рыбу, он загорал на корме или кувыркался с какой-нибудь красоткой в каюте.

Но когда Влад сюда переехал, оказалось, что заняться в городке совершенно нечем. И ладно днем. В это время суток все работают. Даже Влад нашел себе

занятие — устроился в фотоателье и с девяти до шести валял в фотошопе свадебные календарики и прочую ерунду. А после работы и в выходные Соловьев не знал, куда себя деть. Он смертельно скучал дома, но пойти развеяться было некуда. Не в так называемый же ночной клуб! Где-то раз в месяц Влад отправлялся в областной центр, ходил там в театр или на концерт, посещал приличный ресторан или дискотеку, знакомился с женщинами, а если не удавалось, просто заказывал девочку. Но этих редких вылазок Соловьеву было мало для того, чтобы ощущать всю полноту жизни, поэтому он решил найти себе занятие в Приреченске. И на ум пришло одно — рыбалка. В городке каждый третий мужик ею увлекался, и специализированных магазинов в нем имелось множество, так что купить снасти не составило труда. Перед тем как отправиться на свою первую ловлю, Влад приобрел диск «Диалоги о рыбалке» и заставил себя его посмотреть. Набравшись элементарных знаний, пошел к реке.

В тот свой первый раз он ничего не поймал. Рыба клевала, но соскакивала — Влад неправильно подсекал. Домой он вернулся с пустыми руками и ощущением даром потраченного времени. Та же история повторялась еще несколько дней. Влад уже хотел бросить дурацкое занятие, как поймал судачка. Он был маленький, весом не больше семисот граммов, но Соловьев так намучился, пока его вытаскивал, что радовался добыче так, будто добыл пятикилограммового осетра.

С тех пор рыбалка стала любимым занятием Влада. И даже если не было клева, он все равно не считал часы, проведенные на берегу со спиннингом или мормышкой, потерянными. Ему было в кайф наслаждаться природой, тишиной, чистым воздухом. А после рыбалки возвращаться домой, споласкиваться, вы-

пивать сто граммов коньяка или чашку горячего чая зимой (первое в выходные, второе в будни — после он еще на работу бежал), бутылку пива или лимонада летом, ложиться на диван или садиться в кресло и чувствовать приятную усталость. В эти моменты ему даже нравились и квартирка его, и домик, и улочка, и городок. Жаль, это длилось каких-то пару минут!

Подойдя к двери в свое крыло, Влад достал ключи и сотовый телефон. Последний, чтоб подсвечивать себе. Сколько раз он сам покупал и устанавливал лампочку в фонарь, висящий на ближайшем столбе, но ее тут же разбивали! Больше трех дней ни одна не продержалась, и Соловьев плюнул на затею осветить свою улицу хотя бы частично.

Отперев дверь, Влад вошел, включил бра. Прихожей, как таковой, в квартире не было. У Соловьева язык не поворачивался назвать прихожей то небольшое пространство между входной дверью и комнатой, где помещались только узкий шкафчик и тумбочка. Над последней висело зеркало, рядом с ним — ночник. Влад любил, когда это помещение освещает именно он. А вот в комнатах он всегда зажигал верхний свет. Они в отличие от прихожей были огромными, с высоченными потолками, но какими-то неуютными, темными. В каждой было по три узких окна, выходящих на улицу и пустырь. Вид из них Соловьеву не нравился. Поэтому он завесил окна толстыми портъерами и крайне редко их раздвигал. Так что с «огнем» он сидел не только ночью, но и днем. В ярком свете нескольких мощных лампочек комнаты казались не такими мрачными.

Влад прошел в спальню, стянул с себя джинсы, рубашку и носки. Перед тем как облачиться в спортивные штаны и толстовку, не мешало бы принять душ, но в его «хоромах» не было ванной комнаты. Мылся

Влад в кухне в корыте, поливая себя из ковша или лейки. Если б он планировал обосноваться в Приреченске надолго, то обязательно что-нибудь придумал бы: перенес стены, втиснул душевую кабину, поставил большой водонагреватель (но сначала выкупил бы эту квартиру, ее он снимал), но Влад мечтал покинуть городок и ждал удобного момента.

Облачившись в привычную домашнюю одежду, Соловьев прошел в кухню. Помыл руки, ополоснул лицо, открыл холодильник. На дверке стояли бутылка коньяка и пакет кефира. Влад переводил взгляд с одного на другое, решая, что принять перед сном. Выбор пал на кефир. Вынув его из холодильника, направился в так называемую гостиную. Никаких гостей, естественно, Влад в ней не принимал, он только смотрел здесь телевизор и занимался на тренажере. Сейчас он намеревался поставить диск с какой-нибудь комедией и зарядиться хорошим настроением перед тем, как отправиться спать. В последнее время Владу снились тревожные сны.

Соловьев, хлебнув кефира, распахнул дверь в гостиную. Выключатель находился за ней. Влада сначала раздражало такое неудобное его расположение, но потом он привык. Обогнув дверь, он включил свет. Три яркие лампочки вспыхнули, радуя глаз. Влад развернулся и сделал шаг по направлению к телевизору, но тут же встал как вкопанный.

На полу, между диваном и тренажером, лежал человек лицом вниз, раскинув руки. Как будто он сдавался невидимым врагам. Но Влад знал, что это невозможно. Тот, кто сейчас лежал на полу его квартиры, никогда бы не сдался. Ни явным врагам, ни воображаемым. Влад не встречал человека смелее, чем Егор Долин. Настоящий мужик. Самый надежный и преданный друг. Единственный человек из той,

другой жизни, с которым Влад поддерживал связь. Единственный, кто мог ему помочь вернуться в нее...

И вот теперь он лежит на дощатом полу без движения... В луже крови!

Влад сделал еще два шага. Но ноги не слушались. Они стали такими тяжелыми, будто Соловьев прошел километров двадцать и сейчас изнемогал от усталости. Обессиленно опустившись на колени, Влад потянулся к Егору. Но когда до его спины оставалось не больше пяти сантиметров, отдернул руку. Ему было страшно касаться тела. Влад уверится в смерти друга и ужаснется. Сейчас же у него есть крохотная, микроскопическая надежда на то, что тот просто тяжело ранен.

Тут взгляд Влада упал на лицо Егора. И все, не осталось надежды! Не бывает у живых людей таких глаз. Даже у тех, кто одной ногой уже в могиле.

Пакет с кефиром выпал из ослабевших пальцев Влада. Густая белая жидкость вылилась из него и медленно-медленно потекла к застывшей кровавой луже. Соловьев зачем-то остановил ее рукой. Как будто что-то изменилось бы, если б кефирный ручеек влился в кровавое озеро.

Влад вытер измазанную руку о штанину. Затем поднялся. Нужно было срочно что-то предпринимать. Вот только что, Соловьев пока не придумал.

Он вышел из комнаты, выключив в ней свет. Зачем? Все равно с улицы ничего не видно благодаря шторам.

Соловьев проследовал в кухню, открыл холодильник, достал коньяк. В семисотграммовой бутылке было где-то пол-литра. Такого количества алкоголя ему хватило бы недели на две. Ведь обычно он не выпивал больше двух стопок. Но сейчас Влад влил в себя так много, что в бутылке осталось чуть на дне. Причем проглотил коньяк, не удосужившись налить его хоть в

какую-то емкость, а хлебал прямо из горлышка. Вкуса не чувствовал, горечи тоже, пил, чтобы успокоиться. Когда алкоголь обжег желудок, Влад ощутил не приятное умиротворение, а омерзение. Сорвавшись с места, он бросился в туалет. Его вырвало.

Утираясь тыльной стороной ладони, он вернулся в кухню. Попил воды. Почистил зубы. Помыл руки. Все эти действия его успокоили. И Влад даже смог думать. Например, он понял, как Егор попал в дом. Тот открыл дверь, воспользовавшись ключом, который Влад хранил в щели за косяком. Он научился этому у Долина. Егор имел домик в деревне, а так как постоянно терял или забывал ключи, то запасные всегда хранил в «тайничке». О нем знали все друзья Егора. И если приезжали в домик в отсутствие хозяина, находили ключ, отпирали дверь и входили. Долин несколько часов назад поступил так же.

Он отпер дверь, вошел в дом Соловьева и проследовал на кухню. Теперь Влад видел, что не хватает нескольких пряников в вазочке. И минеральная вода открыта. То есть Егор очень хотел есть. Наспех перекусив, он сходил в туалет (сиденье унитаза поднято, а когда Влад уходил, было опущено) и передислоцировался в комнату.

Соловьев сделал так же. Вернулся в гостиную, осмотрелся.

«Если убийца находился в доме, — размышлял он, — то он явно подстерегал не Егора. О том, что он сегодня зайвится ко мне, даже я не знал. Отсюда вывод: охотились за мной. И Долин погиб по ошибке. Но если киллер сидел тут, в квартире, и ждал моего возвращения, то почему он не сразу напал? Егор минут десять слонялся по квартире. Главное же — заходил в туалет. Стоял спиной к двери. Был идеальной мишенью. И киллер этим не воспользовался? Странно...»

Влад, не включая света, направился к окну. Он знал, что Егор ненавидел полумрак и стоячий воздух. В его квартире не имелось штор, а форточки всегда были нараспашку. Долин обожал яркий свет и сквозняки.

«Наверняка он решил раздернуть портьеры и открыть фрамугу, — подумал Влад. — Подошел к окну и... Получил пулю? Но тогда были бы осколки стекла на полу, а их нет...»

Влад повторил предполагаемый путь Егора. А что-бы не наступить впотьмах на него самого, подсвечивал себе телефоном. Штора на окне была чуть сдвинута. Значит, Егор совершенно точно ее касался. Отодвинув занавеску, Влад обнаружил, что фрамуга приоткрыта. То есть Долин решил проветрить помещение, распахнул створку и...

Киллер караулил его на улице. Ждал момента. Как будто знал, что рано или поздно Долин захочет открыть окно. Выходит, он был осведомлен о его привычках. А значит, жертвой должен был стать именно он, Егор!

Получив пулю, он умер не сразу. Успел шарахнуть-ся от окна, сделать несколько шагов задним ходом, и только после этого рухнул на пол. Причем, выбросив вперед руки. Он был обучен падать так, чтобы не травмироваться. Вот только теперь это умение не пригодилось. Когда Егор упал, он уже был мертв.

Вдруг по квартире разнесся странный звук. Он переходил с рычания на писк ежесекундно. И оба эти оттенка были одинаково мерзкими. Не сразу до Влада дошло, что это надывается его дверной звонок.

Соловьев беспомощно огляделся. Он не знал, что ему делать. Открывать? Но он никого не ждет. И значит, сейчас в его дверь трезвонит кто-то опасный. Убийца? Но тот вряд ли стал бы звонить. Полиция? А вот это запросто. Что, если кто-то слышал выстрел?

Или видел что-то подозрительное? Значит, Влада пришли либо допрашивать, либо... Арестовывать!

Мерзкий звук повторился. Теперь в нем преваляло рычание. Словно визитер сердился на хозяина квартиры за то, что тот его не выпускает.

«Бежать? — мелькнуло в голове у Влада. — Через окно?»

Но бежать было некуда! И Соловьев, обреченно выдохнув, пошел открывать. Дверь в комнату, где лежал труп, он плотно прикрыл.

Глава 2

Галка обожала музыку. Она была страстным меломаном с детства. Мама вспоминала, что, когда новорожденная дочка капризничала, не желая спать, чтобы ее утихомирить, она включала магнитофон. И стоило музыке зазвучать, как ребенок успокаивался. Особенно хорошо Галка тогда спала под Юрия Антонова. Матушка была страстной его поклонницей, и записей его песен у нее имелось предостаточно. Почему-то особенное умиротворение накатывало на дочь под первые аккорды «Центральных улиц». Но и песня «Берегите женщин» отлично убаюкивала девочку-меломана.

Когда Галка стала постарше, ее музыкальные вкусы изменились. С трех лет до пяти она отправлялась в кровать только в том случае, если мама включала кассету с песнями Михаила Боярского.

Галка-первоклашка обожала Рому Жукова. «Первый снег, в нашем городе вновь первый снег...» Эту песню она готова была слушать бесконечно. То есть она ставила ее и, когда композиция заканчивалась, запускала ее вновь. А по телу бежали мурашки. Как будто в их городе тоже выпал первый снег. Даже ле-

том, когда палило солнце, а от жары скручивались листья на деревьях, Галка, слушая эту мелодию, видела снежинки, опускающиеся на землю. И ощущала приятный холодок, точно осенний ветер обдувал ее лицо! И в этом она видела силу музыки...

Повзрослев, она увлеклась творчеством Валерия Меладзе. Его голос сводил ее с ума. Галка даже не вникала в текст. И мелодия ей была не очень важна. Главное — слышать соловьиные переливы Валериного голоса.

Галка-абитуриентка обожала Филиппа Киркорова.
Галка-первокурсница — Трофима.

Галка-дипломница — Григория Лепса. И теперь не сладкоголосье привлекало ее, а брутальная хрипотца.

Но что характерно, влюблялась она только в исполнительский талант артистов, а не в них самих. И в отличие от большинства поклонниц она на концертах не выкрикивала в экзальтации имя своего кумира, не рвалась к сцене, не пыталась коснуться хотя бы краешка сценического костюма. Галка сидела на своем месте и слушала...

Увлечение творчеством Григория Лепса прошло в двадцать два года. Но очароваться кем-то другим у нее долго не получалось. Она, конечно, слушала музыку и засыпала только под нее, но ни один исполнитель ее не «цеплял» так сильно, чтоб гонять его хит по несколько раз в день, как когда-то «Первый снег».

В двадцать три она случайно попала на концерт некоего Руслана. До этого она не слышала о таком исполнителе. И вряд ли пошла бы на его выступление, если б не подруга Лена. С ней Галка училась в институте, и девушки были очень близки. Но по окончании вуза Галина вернулась в родной городок, а Лена осталась в областном центре. Видеться стали редко. Но все же раз в сезон встречались — Галка приезжала к